

С тех пор как Юй Шанчжи потерял зрение, ему пришлось полагаться на слух и обоняние. И именно эта слепота позволила ему вдруг понять: обоняние может рассказать гораздо больше, чем он когда-либо думал. Взять хотя бы кузницу — стоило войти, и его тут же окутал холодный, металлический запах сырого железа. Хотя, конечно, недавний поход на скотный рынок убедил его в том, что чрезмерная чувствительность к запахам — тоже удовольствие не из лучших.

Позади лавки находилась сама мастерская. При ковке железо помещали в горн, и жар оттуда достигал торгового зала. Хоть на дворе был всего лишь март, внутри уже ощущалась настоящая жара.

Юй Шанчжи знал, что Вэнь Ецай не переносит жару, и потому, лишь войдя, ощутил: ладонь, сжимающая его руку, покрылась испариной. Он не стал медлить и сразу чётко перечислил всё, что ему нужно:

— Один филейный нож, один железный жернов, одна железная ступка, по одной штуке щипцов для лекарств, молоточек и напильник.

Продавец сразу всё понял:

— А, значит, господин — врач? Прошу подождать немного, всё это у нас есть в наличии, сейчас принесу.

В отличие от изделий из дерева, где многое зависит от сорта и качества древесины, железные инструменты делятся куда проще. У них, как правило, стандартные формы, и в разных лавках они выглядят практически одинаково. Однако, поскольку речь шла об изделиях из железа, цена на них не могла быть низкой. Вон, взять хотя бы железный котелок, что есть в каждом доме — для многих деревенских семей он, пожалуй, самое ценное имущество. Даже если и треснет, никто не спешит покупать новый — тащат к кузнецу, чинят, заклёпывают, но не выбрасывают.

Прошло совсем немного времени, как юноша-работник вернулся с заказом. В первый заход он принёс щипцы, молоточек, напильник, нож, ступку — всё это было сравнительно мелким, легко помещалось в руках. А вот во второй раз пришлось тащить железный жернов — тяжёлый, литой, цельнометаллический.

Изготовлен он был полностью из железа, и к тому же — цельный, без полостей. Потому и весил немало.

Юй Шанчжи, держась за теплую руку Вэнь Ецай, на ощупь проверил каждую вещь. Пальцы медленно и основательно пробежались по поверхностям — всё соответствовало привычным в прошлой жизни формам и стандартам. Он удовлетворённо кивнул.

Вот в чём была прелесть непрерывной преемственности традиционной китайской медицины — даже через века инструменты почти не изменились. А представьте, если бы он в прошлой

жизни был чисто западным врачом — очутиться тут было бы как слепому в тумане: ничего знакомого, всё чужое.

Качество устроило, осталась лишь цена. И когда хозяин озвучил её — Вэнь Ецай тихо ахнул, прикусив язык. Как и следовало ожидать, изделия из железа стоили недёшево. Но Юй Шанчжи и представить не мог, что один только железный жернов будет стоить два ляна серебра — это почти как две большие повозки.

Так что когда продавец вслед за этим бодро объявил, что щипцы, молоточек и напильник стоят по сто с лишним вэней каждый, Вэнь Ецай даже перестал удивляться. Тут уж было не до изумления — оставалось только принять.

Юй Шанчжи изначально думал, что купит жернова двух размеров, большие и малые. Но как услышал, что даже маленький стоит два ляна, сразу передумал: пока и один сойдёт, остальное потом, когда поднакопим — не к спеху. Хотя денег в руках хватало, но если всё потратить разом, потом останется только беспокойство да пустой кошелек.

Вот так — судьба, она, наверное, у всех своя. В прошлой жизни он родился с золотой ложкой во рту и ни разу не волновался из-за денег. А теперь вот — всякое довелось пережить.

— Благодарим за покупку. Кроме железного жернова — два ляна, ступка — триста пятьдесят вэней, нож — двести, щипцы и молоток — по сто пятьдесят, напильник — сто тридцать. Всего выходит две ляна, восемь цяней и тридцать вэней, — чётко отпартовал помощник лавки.

Юй Шанчжи не ответил сразу. Молча задумался — и, как он и ожидал, Вэнь Ецай слегка сжал его руку. Он слегка улыбнулся — понял, что сейчас начнётся великое искусство торга.

Но Вэнь Ецай не спешил. Он взял инструменты, начал внимательно разглядывать их на свету, поворачивая туда-сюда. Кузница в небольшом городке — где ей тягаться с его дотошной придиричивостью?

В конце концов Вэнь Ецай и правда умудрился найти на ноже два зазубренных скола, на жернове — вмятину, а щипцы оказались с шершавыми краями, царапающими руки... Такие вот мелочи — но именно за счёт них лишние тридцать вэней были вычтены из общей суммы. В итоге заплатили ровно два ляна восемь цяней.

А ведь если подумать — целая повозка дров с горы стоит пять вэней. А домашняя курица, что несёт яйца каждый день, даёт яйцо, за которое на рынке дадут два вэня.

И вот в сравнении с этим, сэкономленные тридцать вэней, хоть и были выкроены своим собственным старанием, казались какой-то особенно приятной, чуть ли не халявной удачей.

Рассчитались — товар и деньги обменены. Работник кузницы помог погрузить жернов на

повозку, а остальные мелкие покупки сложил в один ящик. Вэнь Ецай, опасаясь, что острый нож может поранить Юй Шанчжи, забрал его себе, отдельно положил в корзину и сверху прикрыл рисовой соломой.

— Подумай, может, что ещё нужно?

К счастью, всё дорогостоящее уже куплено, и оставались только вещи по мелочи, на которые и кошелек не жалко, и сердце не дрожит.

Телега неспешно покатила дальше и в конце концов остановилась у лавки с фарфором. Юй Шанчжи выбрал, приценился и купил две ступки — одну большую, одну маленькую — как раз на сто вэней. Эти ступки тоже использовались для измельчения лекарств, но в отличие от жернова, были предназначены для более тонкой и точной работы.

После этого они заглянули в бумажную лавку, где приобрели две пачки промасленной бумаги и одну — бумаги из шелковичной коры. Промасленная бумага пригодится для хранения и упаковки трав. Аптечного шкафа дома пока, понятно, не предвидится, так что пока будет использоваться связка из промасленной бумаги, соломы и негашёной извести для защиты от влаги — временное, но надёжное решение. Что касается упаковки — это для того, чтобы в будущем, когда больные будут приходить за помощью, можно было сразу отмерить и завернуть лекарство на вынос.

Бумага из шелковичной коры — самая дешёвая из всех: всего за несколько вэней можно купить увесистую пачку. Её чаще всего используют бедные ученики, которым важна доступность. Юй Шанчжи собирался использовать её для написания рецептов, а излишки отдать Вэнь-саня — попрактиковаться в письме. Что до кистей и чернил — дома ещё оставались, и пока их было вполне достаточно.

Всё купленное теперь сложили вместе — и на первый взгляд казалось, что накопилось немало. Особенно выделялся тот самый железный жернов — даже в уменьшенном варианте он был почти с человеческую руку в длину.

Когда Вэнь Ецай узнал, что у этого жернова бывает и ещё большего размера, он не удержался от вопроса:

— Да ведь такая железяка, как гиря — как её вообще повернуть-то можно?..

Неожиданно Юй Шанчжи ответил:

— Большие жернова обычно крутят руками, но быстро устают. Потому их чаще ставят прямо на землю и толкают ногами.

Вэнь Ецай представил эту картину и вдруг нашёл её до смешного забавной. А Юй Шанчжи в

это время вспомнил, как в прежней жизни у них дома молодёжь, когда училась молоть лекарства, нередко скучала, и тогда, сбившись в кучку, шутили, что этот агрегат больше всего смахивает на тренажёр — прямо аппарат для укрепления ног.

Эта мысль невольно вызвала у него лёгкую улыбку. Вэнь Ецай как раз взглянул на него в этот момент, не стал спрашивать, что вызвало веселье — просто подумал: мой муж, когда улыбается, — краше весенних цветов. Никакие цветы не сравнятся с этой улыбкой.

Покупки были завершены, пора было возвращаться.

Вэнь Ецай вёл повозку, лениво перебрасываясь с Юй Шанчжи фразами о том, как скучает по дому, как хочется скорее вернуться. Юй Шанчжи молча слушал — и вдруг понял, что у них с Вэнь Ецаем мысли оказались на удивление схожими. Он тоже думал — поела ли хорошо Эрню, спит ли спокойно Санъя, когда рядом нет старшего брата. Пил ли Санъя лекарства вовремя? Как он себя чувствует в последние дни? Даже собаки, Даван и Эрван, не остались без внимания в мыслях. Хозяина не видно, не сидят ли они сейчас на пороге, глядя в сторону дороги?..

Если честно, с тех пор как он попал в этот мир, забот и тревог у него стало больше, чем за всю прошлую жизнь.

А ещё... в сердце его до сих пор прочно засела одна вещь, которую он всё никак не мог отпустить. Дело заключалось вот в чём: на его голове по-прежнему красовалась подаренная Вэнь Ецаем шпилька, а в ответ он так ничего и не преподнёс.

Да, телегу они купили в дом, это вроде как общее дело — но ведь украшение и такие мелкие личные дары несут совершенно другой смысл. Юй Шанчжи долго размышлял — и, в конце концов, решил: пусть сначала зрение восстановится, а потом сам схожу в магазин и выберу подарок лично.

Дорога в деревню была длинной, и хоть он старался держаться бодро, но всё же организм был ослаблен. В конце концов, даже опираясь на корзину, он почувствовал усталость, веки начали смыкаться, и он задремал. Сначала казалось, что в такой-то обстановке — в телеге, на ходу, среди тряски — заснуть будет невозможно. Но, как оказалось, сон всё же пришёл.

Когда Вэнь Ецай разбудил его, Юй Шанчжи сразу почувствовал — ветер стал прохладнее, должно быть, солнце уже клонится к закату.

— Уже издали видно нашу кривую плакучую иву, — сказал Вэнь Ецай, — я подумал: раз почти приехали, разбудить тебя заранее.

И весело добавил:

— А наш вол, надо сказать, молодец! Только-только повзрослел, а такая силушка! От города до деревни — у брата Циншуй старая жёлтая корова тащит повозку час с лишним, а мы, я смотрю, и за полчаса управились!

Вот тебе и любовь — когда любимое становится самым лучшим. Даже вол в глазах Вэнь Ецай — прямо-таки не животное, а чудо природы.

Юй Шанчжи откликнулся, опёрся о борт повозки и выпрямился. Позы для сна в дороге, прямо скажем, были не из лучших — теперь болело всё: спина, поясница, даже голова гудела. Ни одного места не осталось, где бы не ныло.

Он потёр плечо, затем в пределах возможного размял ноги, потянулся. Подумав о том, как сам устал даже сидя, он вдруг понял: Вэнь Ецай, который всё это время вёл повозку, наверняка и сам порядком измотан.

Но стоило ему заговорить об этом — и Вэнь Ецай, не придавая значения, весело отмахнулся:

— Это ещё что! В былые времена мы туда-обратно по несколько часов пешком шли. А теперь — на телеге! Да я даже во сне от счастья смеяться буду!

Но Юй Шанчжи с заботой напомнил:

— Всё равно, перед сном ноги пропарь, будет легче, и заснёшь спокойнее.

— Хорошо! — весело откликнулся Вэнь Ецай. — Ты у нас внимательный, даже в таких мелочах лучше меня.

Все говорят: «Жену бери добрую». А он бы сейчас с радостью добавил: «Мужа тоже надо брать с толком!» Вот его маленький доктор — ну такой заботливый, где ещё такого найти?

Пока они болтали, на горизонте уже показалась деревня Селю.

До темноты оставалось ещё немного. Вэнь Ецай, в приподнятом настроении, радостно крикнул:

— Хоп!

Большой вол, услышав сигнал, повеселел и ускорил шаг.

Было уже почти время ужина, и большинство сельчан вернулись домой, но всё же попадались ещё отдельные прохожие. Как только повозка въехала в деревню, шум от колёс и топот копыт, конечно, привлёк внимание. Несколько человек вдалеке остановились, обернулись, начали с

интересом разглядывать подъезжающее.

Ван Сяоюй как раз возвращался домой, неся на спине корзину с травой для свиней. Он был любимцем в своей семье и, по сути, каждый день делал лишь лёгкую работу — нарубить корм для скота, покрошить еду для кур и тому подобное. И даже при этом он сейчас ворчал, что корзина слишком тяжёлая, и мечтал поскорее добраться домой.

Проходя мимо группы зевак, он даже презрительно подумал, что у тех, мол, дел нет, стоят, глядят на какой-то там обычный воз — что там, разве мало видели? Ну, сидит там, наверно, староста или Сюй Циншуй или семья Сюй Пэна, чего удивительного?

Одновременно с этим в голове у него промелькнула мечта: вот когда его брат Тан Вэнь сдаст экзамен на сюцяя, а потом на цзюйжэня, тогда уж они и сами без труда смогут быка купить.

Но тут его мысли перебила реплика, брошенная где-то сбоку. Невестка из семьи Фу, вцепившись в руку мужа, прищурилась и заговорила вполголоса:

— Эй, ты же видишь лучше меня, скажи, это там на телеге Цай-гер с его мужем Юй-ланчжуном?

А ведь правда — сейчас в деревне многие с надеждой заглядываются на Юй Шанчжи, кто-то уже лечился у него, кто-то ждёт своего случая. И даже те, кто пока здоров, стараются держаться поближе, а вдруг пригодится. Так что давнее шептание за спиной о «том слепом муже Вэнь-гера» давно сменилось на уважительное и чинное обращение: «Юй-ланчжун».

Ван Сяоюй недовольно скривил губы — откровенно презирал такое поведение окружающих. Целыми днями только и слышно — «Юй-ланчжун» да «Юй-ланчжун»... А если бы это зависело от него, он бы вообще счёл Юй Шанчжи шарлатаном.

А когда услышал, как та женщина говорит, будто на повозке сидит пара Вэнь Ецай с мужем, Ван Сяоюй и вовсе не поверил ни на грош. Да разве может такой, как Вэнь Ецай, с его-то положением, купить повозку с быком? Разве что в следующей жизни!

Но, как назло, Вэнь Ецай будто нарочно шёл ему наперекор. Не прошло и нескольких минут, как та самая повозка медленно подъехала ближе, и теперь оказалась прямо перед ним. Глаза Ван Сяоюя расширились, выражение лица застыло в полном изумлении. Кто-нибудь, объясните ему, как это возможно, что на повозке действительно сидит тот самый уродливый Вэнь Ецай!

А Вэнь Ецай тоже увидел Ван Сяоюя и, сидя на повозке, нарочно изобразил на лице выражение, которое можно было назвать вопиюще торжествующим.

Следом к ним подошли те самые люди, что до этого останавливались и глазели, — теперь они подошли вплотную, начали с любопытством рассматривать новенькую повозку, цокая языками:

— Вот это да, вот это дело!

Молодая жена из семьи Фу была человеком нетерпеливым, характером прямым, потому сразу же не выдержала:

— Цай-гер, это что за...

Но прежде чем она договорила, Вэнь Ецай с улыбкой перебил её, громко и бодро заявил:

— Это повозку мой муж для дома купил! Посмотрите, как вам?

Выходит, повозка не только правда новая, но и куплена за деньги, которые внёс муж, зять, пришедший в дом?

Невестка семьи Фу от неожиданности на секунду растерялась, не зная, что сказать. В голове лишь промелькнуло одно: ишь ты, и этого буйного, языкастого Цай-гера кто-то полюбил?

Вот же везёт, по-настоящему везёт.

Пока она болтала с Вэнь Ецаем, несколько мужиков с другой стороны уже обошли повозку и вола по нескольку раз. Им, конечно, было гораздо интереснее обсуждать саму упряжь и транспорт, чем слухи о семейных делах Вэнь.

Муж этой самой невестки семьи Фу — младший из четырёх братьев, потому в деревне его все зовут Фу Лаосы — «Фу Четвёртый». Семья Фу, по сельским меркам, жила неплохо. Старшая матушка в семье — Фу-лаотай — действительно женщина с удачной судьбой: родила четверых детей — и все сыновья.

Пусть и дорого обошлось женить всех четверых, но зато это значило, что рабочих рук в доме много, и заработать на семью они могли гораздо больше. Теперь, когда и младший, четвёртый сын женился, все братья живут дружно, и семья не делилась — так и осталась единым домом.

Вся большая семья ещё с начала года обсуждала, что хотят до осенней пахоты всем четырьмя дворами скинуться серебром и купить в дом быка.

Потому-то Фу Лаосы, завидев быка, глазами прямо загорелся, и невольно задал пару вопросов:

— Бык, вижу, бодрый. А почём взяли?

Хотя Вэнь Ецай и был по натуре резким, всё-таки он гер, и при муже ему не совсем прилично заговаривать с другими мужчинами. Он уж было заволновался, что Юй Шанчжи, быть может,

не захочет слишком общаться с деревенскими, но вскоре понял — напрасно переживал.

Юй Шанчжи ответил спокойно и непринуждённо:

— Сначала просили двадцать два лян, но А-Е сказал, что дорого, стал торговаться — сбил до двадцати. Торговец сначала не хотел уступить, но А-Е его измотал — и тот сдался.

Фу Лаосы нахмурился, густые брови сдвинулись:

— Двадцать два? Да у этого торговца совесть чёрная. Как он посмел столько просить? Такой бык, по виду, и двадцать лян стоит с натяжкой, ну ладно, за двадцать ещё сойдёт — тут вы хорошо сторговались.

Юй Шанчжи теперь и сам понимал, как это всё устроено, и с улыбкой сказал:

— Сразу видно, что старший брат разбирается. Да, вы правы. Хорошо ещё, что А-Е умеет торговаться.

Невестка из семьи Фу, стоя рядом, внимательно посмотрела на Вэнь Ецяя — взглянула на него уже совсем иначе, чем раньше. Теперь-то было видно — зять, вошедший в дом, это совсем иное. У других-то, как заведено, если жена пришла в дом мужа, должна во всём подыгрывать, чтоб не уронить достоинство мужа в глазах людей. А вот посмотрите на этого Юй-ланчжуна — в каждом слове у него похвала Вэнь Ецяю. Хвалит прямо и открыто.

При этом не забыл и её мужа, Фу Лаосы, похвалить, и теперь, если оглянуться, видно, как тот уже выпрямил спину и слегка задрал подбородок — мол, его тоже похвалили, он доволен.

Фу Лаосы сам ничего особенного не подумал — просто отошёл чуть в сторону, подошёл осматривать повозку:

— Это у вас дуб? На вид не похоже...

Сразу справа какой-то мужчина фыркнул и усмехнулся:

— Лаосы, да ты не разбираешься совсем! Это же бук, с первого взгляда видно!

Фу Лаосы бросил на него косой взгляд:

— Думаешь, самый умный? Я же так и сказал — на дуб не похоже!

Тот мужик сразу обратился к Юй Шанчжи:

— Юй-ланчжун, скажи ты — это ведь бук, да?

Когда деревенские мужики начинают спорить, никто не хочет уступать, каждый стоит на своём — вперёд, пока не выяснят, кто прав.

Юй Шанчжи сидел на повозке с прямой спиной, на лице всё так же играла лёгкая улыбка.

— Да, это бук. Раз уж покупаем, — подумал я, — то лучше взять поосновательнее, чтобы надолго.

Мужики на время прекратили спор, закивали, заговорили в один голос:

— Верно говорит! У нас на селе дороги — сплошные ухабы, грязь да камни. Дешёвую повозку через год-другой все винтики разболтаются — и считай, деньги в болото выкинул!

Перекинулись ещё парой фраз, но Вэнь Ецай с Юй Шанчжи спешили домой — хотели скорее проверить, как там Эрню и Санъя, так что разговор свернули и погнали повозку дальше.

А Фу Лаосы остался на месте и тронул жену локтём:

— Жёнушка, я вот что думаю: за такого крепкого быка двадцать лян — это по силам. Мама говорила, что из общего сундука можно пару лян взять. Тогда если всем четырём семьям скинуться по три с чем-то, и быка купим, и все смогут по очереди использовать. Ну как тебе?

Жена у Фу Лаосы пришла в дом совсем недавно, да и сам он самый младший, а потому в их четвёртом доме денег было меньше всего. Раньше, когда речь заходила о покупке быка, она не горела желанием участвовать, но сейчас, выслушав мужа, задумалась всерьёз — и даже прониклась этой идеей.

Но, как ни крути, она всё же была молоденькой, с девичьим нравом, потому не удержалась и добавила с ноткой зависти:

— Кто бы мог подумать, что Юй-ланчжун такой заботливый. А ведь у семьи Вэнь земли всего ничего, а теперь ещё и быка завели!

К тому же Юй ведь вообще зять-чжусюй, а у Вэнь Ецай теперь такая жизнь — глянешь, аж сердце щемит от зависти.

Ван Сяоюй, который чуть раньше осрамился перед Юй Шанчжи и Вэнь Ецаем, всё это время стоял чуть поодаль, не подходил — гордость не позволяла. Теперь, когда повозка уехала, он оживился, и, проходя мимо супругов Фу, услышал реплику невестки. Тут же не удержался от комментария:

— Невестка Сы, не слыхала разве? Вэнь Ецай же сам никому не нужен был, остался в доме, сам же и добивался Юя. Говорят, в приданое дал тому двадцать лян серебра! Так что, если разобраться, на быка-то, выходит, деньгами из одного и того же мешка платили. А со стороны — красиво поёт, да внутри всё иначе!

Невестка из семьи Фу была уроженкой деревни Селю и прекрасно знала, что между семьями Ван и Вэнь раньше были натянутые отношения. Хотя Вэнь Ецай и впрямь репутацией не блистал — слыл злобным, грубым, да и характер имел тяжёлый, — в прошлом ей не хотелось с ним общаться, пересекались редко. Но даже с таким человеком ей куда приятнее иметь дело, чем вот с этим гером из семьи Ван. Тот уже много лет путается с учеником Тан из соседней деревни, и сколько денег уже вкладывает в его кисти, бумагу и чернила, а воз и ныне там — ни свадьбы, ни статуса. Целыми днями нормальной работой заниматься не хочет, только и умеет, что наводить лоск, как водяной лук — яркий, да пользы никакой, а за спиной у других — языком колет похлеще иглы.

Случилось, что рядом стоял её муж, потому спина у неё была прямее обычного. Она медленно бросила взгляд на Ван Сяюю и спокойно, но хлёстко усмехнулась:

— Чужие семейные дела — не наше дело, мы ж не у них под одеялом спим, откуда нам всё знать? Я вот только одно скажу: Цай-гер хоть и остался сиротой, а всё равно зятя в дом привёл — это и есть умение. А кроме того, теперь ему и перед свекровью со свекром кланяться не надо, и деньги в доме — все у него в руках. А то ведь есть такие — и не приняли к себе в дом, а всё равно всё из дома тащат...

Эти слова почти плевком полетели в лицо Ван Сяюю — чёткий намёк, и тот сразу вскипел, аж подскочил на месте:

— Ты это к чему клонишь?!

Действительно, в деревне все знали, что он уже несколько лет якшается с Тан Вэнем из соседней деревни, все эти годы тащит добро из дома, чтобы того поддерживать — и про еду, и про чернила, и про всё остальное. А свадьбы как не было, так и нет — одни пустые обещания.

Многие уже открыто советовали родителям и братьям Ван Сяюю приглядывать за ним, чтобы учёный Тан не обобрал их досуха, а потом ещё и бросил без зазрения совести.

Но что было уж совсем не в его вкусе, так это то, что невестка из семьи Фу не просто не осудила Вэнь Ецай за глаза, а напротив — прямо перед ним унизила его самого.

А та в ответ лишь слегка улыbnулась, глаза полны насмешки и презрения.

Перед лицом Фу Лаосы Ван Сяююй, разумеется, не посмел продолжать грубить, лишь злобно зыркнул на его жену и с досады резко повернулся, ушёл прочь. Всю дорогу домой он топал, надувшись, полон злости и обиды — в последнее время слишком часто приходилось терпеть

унижения, и сейчас ему особенно хотелось, чтобы Тан Вэнь его хоть немного утешил.

Зайдя в дом, он сразу пошёл к своей родной матери, Чан Цзиньянь, и принялся капризничать, жаловаться, умолять. Мать не устояла и, в конце концов, уступила — разрешила ему послезавтра пойти вместе со вторым братом, который как раз должен был выехать из деревни, в соседнюю деревню Шуймо, к Тан Вэню.

Но всё это, конечно, не имело никакого отношения ни к Юй Шанчжи, ни к Вэнь Ецаю. Тем временем повозка шла легко, и казалось, что одно мгновение — и вот уже почти у дома.

Дом семьи Вэнь находился рядом с домом Сюй Пэна из семьи Сюй, и ещё издали было видно, как из дымохода кухни на крыше вился дымок — очевидно, ужин ещё не был готов, но еду уже ставили на огонь. У ворот стоял третий сын семьи Сюй, маленький Гоудань, он только что вернулся из школы и сейчас играл в мячик из песка, но не в одиночку.

Вэнь Ецай уже собирался удивиться — кто это ещё в такой час до сих пор не загнан в дом за ухо? — как вдруг услышал знакомый голос, звонкий, как серебряный колокольчик.

Он только и смог, что с улыбкой-укором пробормотать:

— Вот я и думал, кто это там балуется... а это, как всегда, Эрню, эта сумасшедшая девчонка.

Вэнь-эрню в этот момент как раз подбросила песчаный мешочек вверх и, умело подняв ногу, поймала его, собираясь начать отсчёт — сколько ударов подряд сможет.

Но тут Гоудань закричал:

— Эрню! Ты глянь, кто пришёл!

Эрню даже не повернулась:

— Ты каждый раз так говоришь! Только чтобы я отвлеклась, потому что боялся проиграть. Смотри, на этот раз я сто штук подряд отобью!

Она уже собралась с силами, полная боевого настроения, как вдруг чья-то рука дёрнула её за косу.

— Ай-ай-ай! — закричала она от боли, резко подняла голову — и в ту же секунду взвизгнула от радости.

— Брат! Ты и правда вернулся! А я-то думала, Гоудань опять меня обманул!

И тут же, как петарда, со всего разбега влетела в объятия Вэнь Ецай, с разбегу врезалась ему в грудь. Более того, она ещё и запрыгнуть на него хотела, чтобы обнять за шею, так что Вэнь Ецай не удержался и закричал:

— Полегче, ты чего! Ты меня, что ли, убить вздумала? Своего родного брата?!

Пока брат с сестрой там всю веселились и дурачились, с другой стороны Су Цуйфэнь уже услышала шум, вытерла руки о передник и вышла из дома, ведя за собой Санъя, Фу-гера и Пань-ши, жену Сюй Линя. И вот первое, что бросилось ей в глаза, вовсе не люди, а огромный жёлтый бык, перекрывший весь проход у ворот.

— Ой ты, господи! Да вы что — и вправду купили быка с повозкой?!

Юй Шанчжи к тому моменту уже давно сошёл с повозки, Вэнь Ецай поддерживал его под руку. Сейчас он стоял, придерживая борта повозки, и с улыбкой слушал, как они с Эрню перебрасываются колкостями.

Услышав голос, он сразу обернулся, вежливо и тепло сказал:

— Добрый вечер, тётушка. Мы с рынка вернулись. За эти дни вы нам столько помогли — очень благодарны вам.

Вэнь Ецай, услышав это, тут же подбежал, стал рядом с Юй Шанчжи. Увидев Санъя, он наклонился и быстро подхватил его на руки:

— Ну что, скучал по мне и по своему старшему брату Юю?

Санъя широко улыбнулся, показав ровный ряд белых зубов:

— Скучал!

Вэнь Ецай погладил его по голове, затем повернулся к Су Цуйфэнь, чтобы ответить на её вопрос.

— Тётушка, — с улыбкой пояснил Вэнь Ецай, — это Шанчжи купил для дома — и быка, и повозку. Теперь нам будет куда удобнее ездить в город.

Су Цуйфэнь при этих словах улыбнулась так, что глаза стали узкими щёлочками:

— Вот это дело! Живность в доме — это ж всегда важное событие! Скотина в хлеву, зерно в амбарах — тогда и жизнь ладится, и хозяйство процветает!

Она даже не стала уточнять, откуда у Юй Шанчжи взялись деньги. Подумала: ну, может, накопил с подработок лекарем. А даже если не так, даже если тут есть и деньги Вэнь Ецай, ничего страшного — ведь это семейная жизнь, общее дело, главное — что есть желание делать для семьи, а остальное — дело житейское.

А для детей всё это — настоящее чудо. Хоть они и видели у семьи Сюй быка не раз, но раз теперь это их собственный бык, то и восхищение особое. Вэнь-эрню тут же вскочила на повозку, стала разглядывать, щупать, ощупывать всё подряд: то колесо, то сиденье, то доски.

А Вэнь Ецай поднял руку и легко закинул Вэнь-санья на спину волу — и тот радостно захихикал, сидя верхом.

Большой жёлтый вол оказался на удивление спокойным и кротким — не фыркал, не дёргался, просто стоял на месте, словно знал, что уже дома.

Су Цуйфэнь тоже подвела к нему Пань-ши и Фу-гера, все вместе обошли повозку кругом, с интересом разглядывая и восхищаясь:

— Вол-то ещё молоденький, по копытам видно. Если хорошо ухаживать, лет десять-пятнадцать верой и правдой прослужит — и в поле, и в упряжке. Потому я всегда говорю: если можешь наскрести денег, лучше один раз вложиться, чем потом по мелочи маяться. Скотина — она себя отрабатывает с лихвой.

Повернулась к Вэнь Ецаю:

— Я помню, у вас во дворе ведь есть хлев, да?

Вэнь Ецай кивнул:

— Есть. Когда отец строил дом, тогда и хлев тоже заложили, но потом так и не использовали. Сейчас я приберусь немного, и как раз волу будет где жить.

Юй Шанчжи в нужный момент тоже вставил слово:

— Мы ведь впервые в жизни заводим вола, многого не знаем, так что... будем потом просить у тётушки и дядюшки Сюй советов.

Слова его были просты и уважительны, так что Су Цуйфэнь только улыбалась от уха до уха:

— Ай, да что ты, какие уж там наставления. Искать по всей деревне Селю — не найти такого вежливого и учтвого мужчину, как ты!

Сказав это, Су Цуйфэнь махнула рукой, прогоняя всех с дороги:

— Всё, всё, не стойте тут столбом. Цай-гер, отведи быка с повозкой домой, а как дядя Сюй и Да Лин вернутся, сразу приходите вместе к нам ужинать. У вас дома всё равно и печь холодная, и еда не готова, а у меня двумя палочками больше — не пообедем.

Две семьи уже много лет были в добрых отношениях, помогали друг другу, так что в таких делах Вэнь Ецай не стал церемониться. Он оставил Эрню и Санъя у них, а сам с Юй Шанчжи отвел повозку домой.

Как только они вошли во двор, их сразу встретили бурной радостью Даван и Эрван — два пса. Если бы Вэнь Ецай громко не прикрикнул, они бы измазали их обоих и в грязи на лапах, и в слюнях.

Когда вещи с города уже занесли в дом и пока сложили всё в главной комнате, Вэнь Ецай достал изнутри пакет с засахаренными фруктами, обернулся к Юй Шанчжи и спросил его мнения:

— Я тут подумал: хоть мы и купили мясо с персиками, всё же чего-то не хватает. А давай мы и эту пачку сладостей отнесём тётушке Цуйфэнь? Всё-таки эти два дня она нам и еду готовила, и Санъя лекарства варила, и псов с курами кормила — забот выше крыши.

Юй Шанчжи, разумеется, поддержал его и мягко кивнул:

— Как скажешь — так и сделаем.

<http://bllate.org/book/13600/1205944>